

Константин Кадаш
25-я рага

[чтение в темноте]

Константин Кадаш

25-я рага

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899464
ISBN 9785447435929*

Аннотация

Для меня этот сборник уникален не столько по содержанию, сколько по контексту, т. к. включает в себя тексты, записанные в Финляндии, Бельгии и Нидерландах, но, в то же время, объединенные общим полем России и структурами импровизационного верлибра. Персональный Интернационал под мягкой обложкой. Рисунок обложки – часть большой картины фантастического наивиста Jesse Reno «Skeleton Eggs And Crystal Balls», <http://jessereno.com>.

Содержание

[Ч аС Ть i]	5
[plast giraffer på fönsterbrädan raga]	5
[чтение в темноте iv]	7
[чтение в темноте v: рагадада]	8
[чтение в темноте vi: рага прекраснодушных]	9
[hazel låten]	10
[хаягрива_мантра]	12
[so»long, Louisiana]	14
[coyote negro raga]	16
[речь о вселенской мудрости в капле пролитого молока...]	18
[чтение в темноте vii]	19
[чтение в темноте viii: политика и начала анализа]	20
[погребальный поезд хайле селласие]	22
[благоволительницы]	23
[ребусы]	24
[карманная рага дождя]	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

25-я рага

[Чтение в темноте]

Константин Кадаш

*Светлане,
без которой не было бы этой книги*

© Константин Кадаш, 2015

© Jesse Repo, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[Ч аС Ть i]

[plast giraffer på fönsterbrädan raga]

Пыльные ритуалы, развешенные по бельевым веревкам,
Неразрешимые проблемы взросления, Джа, на кончиках
твоих капроновых нитей,

Нагие, мы спешили на чердак и выше —

Отмерять лунного света грамм на кончиках пальцев,
баюкать

Укромные пятнышки сердец с изнанки ребер

(даже чувствуя эти токи, ты никогда не успевал
проснуться

прежде рассвета, и, застав очередную революцию,
гнетущую внешний мир,

заворачивался в кокон непоколебимой веры
в человеческие качества

обитателей мебелированных комнат и лестничных
пролётов:

но так и не сподобился приручить ни единой бабочки).

Значит, эта

Игра – не больший блеф, чем прочие игры, осязаемые
кожей.

И сейчас, как прежде, приманивая звездных дельфинов
табачным манком, мы можем

Выдумать прочную сеть свободы и
Освобождения, увязанных с системой неделимости
клеток, когда
Не так уж и важны ареалы обитания, разница в расцветке
пластиковых птиц
На обнаженных ветвях и наличие в сетке вещания
Полживого половинчатого недомыслия, по привычке
рядящегося в одежды
Патриотизма. Наши оттенки позволяют утолять
жажду поцелуем на французский манер
С обязательным картавым эр и заблудившимися
в окончаниях согласными
на капитуляцию...
Я все еще вижу плацкартные армии, надежно укрытые
укромной дрёмой,
следы, которые оставляет вой,
На коньке крыши флюгер, вращающийся против.
Часовой
На вышке игрушечного маяка
целится в небо из пластмассового свистка
И от его меткого выстрела не остается ни следа, ни под
утро – света.

[чтение в темноте iv]

святой ребенок, напевающий колыбельную на языке
травы

в самом сердце леса, один, единственный, глаза закрыты,
слышит, как бьется сердце чащи – чаще, когда отступают
все ускользающие родники, и земля дает всходы.

нашей чащей часто становились парки и скверы,
скверные

тощие деревца вдоль автострады, когда сплавлялись
зной и рокот в сталь и пластик, автомобиля тело
продолжая —

движение без цели, отказ от статики и пресыщенья.

случайные попутчики, успели разминуться в чехарде
слоев пространства, слышим: тихо

катятся гласные из глубины сквозь лабиринт корней
и камня,

дыханья мягкие машины.

[чтение в темноте v: рагадада]

стань мне статью, безоговорочная, как пьяная птица-
страус
головоногая от макушки до пяток метр восемьдесят пять
двадцать два перышка, схороненные в зобке, пока
страхом
песок просеянный выносит дворник в ведре жестяном
то —
деньги на ветер, то – коромыслом радуга, натянутая над
пустырём
суши бельё и хлеб, учишь стрелять по банкам: вырастешь
скоро,
пойдешь в солдаты, дело говорю, мужайся и в пыль
опaday, когда
стальными листьями ржавые птицы подорожник сеют.
наши крохотные видения и мальчишеские дрёмы:
дружбы, зарницы, фантики,
траченные гильзы, вынесенные со склада, пока
бронбойные землеройки
подгрызали кирпичные стены барачков //
общественной бани
на отшибе. частые визиты подозрительного милиционера
тем не менее
выпадали на будни, когда часовщики спали.
карманные часы, как и прежде, спешили на 12 минут.

[чтение в темноте vi: рага прекраснoдушных]

и цветы милосердия к твоим межевым столбам, кроткий,
у которых сам плутал, собирая листву, сгоняя паству,
усмиряя похоть, убалтывая гордыню, хлеб преломляя
горький.

с морщинистыми личиками человечков говорливые
попугаи

копошились на балконах, в гнездах,

баюкая тонкие запястья, пальцев длину, ушибленных
о ветер,

в час, когда медный снег выдуманный неумолчно
пятился к океану... и молочно-

белые звезды раяада

качались на хлипеньких стеблях, вплетенных в сети,
над прибранной землею нависая.

[hazel låten]

изменения в расписании прибытия поездов,
вечное без пяти вопроса
и стрелки часов,
не поспевающие за временем,
все так же лишенным наших скромных чаепитий на краю
света,
отлучений, пафоса, болезней роста.
отступаясь от полотна млечного пути, я не забывал
прислушаться
к лязгу колес, пересчитывающих железнодорожного
полотна рёбра,
когда ладонями колючими шарился по пыльным углам
и застенкам, искал
закатившиеся грошки, забытые ржавые детские страхи,
пятнышки
неудовлетворенных любовий, молотило солнце
потной тушицей, и бетонные бока супермаркетов
манили прохладой за которой – выпасы звезд
мешали квазары и кварки и черные дыры твоих
риторических вопросов о
смыслах и точках отсчета. так все и было:
тишайшие личины, эго, непутевый дрейф вплоть
до растворения в ландшафте, до
исчезновения в точке, и без того едва угадываемой
на горизонте.

[хаягрива_мантра]

улица войны, оккупированная леммингами, распадается
на бульвар и проулок
у памятника свободы, которой, как известно,
не существует без потери пульса,
крови, нарушений целостности кожного покрова,
разрушения тканей и без того
шаткой совести – маленькое я выглядывает в слуховые
окошки глазёнок,
следит оттенки кожи, многообразие лиц, проплывающие
линкоры профилей
и вереницы поднебесных китов, раз за разом атакующих
бронбойную шхуну-
китобоя/богоборца, где каждый умышленный – грешник,
перебежчик, еретик,
атеист; китайские аисты складывают гирлянды
из человеческих черепов и
танцуют, на манер кали, распахнув свои клювы солнечно-
алые клац-клац-довольствием
для утонченных натур:: нарезание тонких полосок
ременной кожи с предплечий,
покуда ты водружаешь свой крест на парковке, в самых
задних рядах – провинция
супермаркета, где только ветер перемалывает косточки
бродячим собакам и
катает перекаати-поле экологичных пакетов с оттисками

модных брендов: бредом
оборачивается попытка сморгнуть с ресницы
искажающие реальность капли
майянского дождя, настоящего на семени солнца,
пущенного в расход/ход ходиков, но
если отсюда все еще видна красная косоворотка кремля
и циклопическая башня
сити – иероглиф несостоявшегося эгоизма рефреном,
значит, не все потеряно,
значит, мы очень близко к центру, а это – перспективы,
потенциальные инвестиции, недвижимость,
растущая в цене. о, дхармапала хаягрива, так неси мое
тело к колеснице восхода,
пока поливочные автомобили подчищают пятна
с асфальта наших промасленных душ.

[so»long, Louisiana]

пятничные пятна по всему телу вымаранные рисуночки
по коже тонкой иглой выведены под корень как и все
мои прошлые однокоренные словечки одутловатые
песенки пошлые

в песок выплеснутые, лялькой в люльку уложенные,
неухоженные,

но всегда остается вопрос заздравия и упокоя,
когда небо принимает оттенок дороги, другой,
по которой

еще не ступала нога нагой и каждое продолжение взгляда,
взвешивающего пространство – ряд воскрешений,
флэшбеков, прошлого оглядок,

задушевной надежды на возвращение в сугубо
личностное нигде

кто говорит? кто говорит? Луизиана – мои цветущие реки
укромные мои

реки руки собирают воду собирают камни хранят травы
руки того кто никогда не входил в твои воды ни
единожды и ни дважды ты говорящая со мною сквозь
землю

на все стороны света Луизиана и я продолжающий
твое течение каждой своей веной каждым словом своим
каждым

новым воплощением весь плоть от плоти и крови
пока ты – продиралась сквозь камень и глину выискивая

в мокреди истину и между и шептала слова
прощания и слова прощения, so_long-so_long,
я втаптываю твои корни в небо.

[coyote negro raga]

это дорога в один конец, непогашенный билет,
выданный на руки в глубоком детстве,
если все еще способен закрыть глаза —
зажмурься: здесь всегда остается место
точечного света, выгодно оттеняющего пространство,
как то и положено
в сложенной
дихотомии молчания и крико/подобия
чайки, заблудившейся меж заливом и взгорьем,
но не смеющей повернуть назад;

у плато плутающая осень
заботливо прибирает прошлогодний сор;
выговором, говором, акцентом —
заклинание тварности: точка отсчета,
делящая полярности базиса и надстройки, момент
непостижения основополагающих истин, где торг
не уместен и
не сопоставим с реалиями рынка;
я малым сим предписываю кротость
и спор
о частностях и неустойках.

отныне – белым в молоко
в найм перспектива территории, когда-то

должно быть, населяемой другими:
едва ли здесь найдется строчка
для следа нашего, с избытком —
для оттисков нашедших выход из пустыни
и заселяющих ландшафты,
мгновение тому лишенных человека.
ом!

мой бон мой бег мой кроткий бог,
я заметаю след и выхожу из дома.

[речь о вселенской мудрости в капле пролитого молока...]

...бхикшу сысой говорит о шумах в сердце
и неизлечимой душевной хвори,
появляющихся в момент восхождения по лестнице
на <тринадцатый> этаж,
которого, как известно не существует, в отличие
от извести,
которой здесь покрывают стены и ретушируют души
узоры,
чтобы, нечаянно, не выпасть
из времени и из пространства.
осознавая их непостоянство, конечно, эти опасенья
мне видятся нелепыми отсюда: чердачное окно так
приеподобно,
и ты, взобравшись вновь на крышумира и – обнаженным
став —
суставы жаждешь преломить на крылья, что позволят
невздорную осмыслить сущность серафимов
и прочих яснооких, кистеперых,
исчезнуть успевающих до вдоха.
так допивай свое омманипадме,
пока над городом восходит неделимость.

[чтение в темноте vii]

совинокрылый, я вырастаю из твоей земли,
ломкие ветки собираю, выданные огню,
гадаю на погоду
знаменосец, охранитель нищих духом,
отливаю птицам пулю, загадывая число пи
дующим на холодную воду,
и вам, выглядывающим из глины и плоти небоскребов,
переписывающим себя каждое утро по стеклу наново,
в души вкладываю керосиновые лампадки, чадающие
копотливым дымком справедливости и неравноправия.
во имя мирового пожарища,
присного славославного пожорища,
оголтелого предела:
полые торговцы пылью и срамом,
лютующие в исподнем,
таят леса своих нерукотворных тел.
тем и ладны.

[чтение в темноте viii: политика и начала анализа]

дни недели складываются в поколения;
навязчивая глоссолалия —
как способ преобразования
информации в кинетическую энергию...
быть может, именно поэтому
земля продолжает вращаться,
солнце – сгорать,
космос – кипеть
в точке отрыва.
сегрегация по признаку тела,
констатации срыва.
Марксу определенно стоило бы родиться женщиной,
в нем столько теплоты и смирения,
что хватило бы на поэму
и на то, чтобы наполнить молоком
все-все твои кисельные берега, дружочек.
все еще душно и ломко —
болезнь становления голоса,
отравляющего тело пубертатным ядом.
ассоциации
юных социалистов
основывают тоталитарные секты,
повернутые на совокуплении,

искупления,
преображенный танатос,
расщепляет атом единоверия,
вовлеченности окись порождает приступы недоверия
несвоевременной схоластике
и одержимости потребления,
наводящей мосты и подводящей основы
под благоустроенность яблоневых садов
на африканской равнине
в годину лютых дождей
и заикленности мира
на полюсах.

быстрее, громче,
нам необходимо
спешить,
восток, запад,
север без признаков юга,
прочие,
пока не пришли все те, тонкокостные,
с обратной стороны
с лицами бабочек,
и не пожрали друг друга.

[погребальный поезд хайле селласие]

я иду по следу твоего погребального поезда, хайле
селласие,
выжженному ровной колеей в потрескавшейся земле
Вавилона,
где, как известно, пустыня, слишком большая для сорока
языков сорока племен и
сорока поколений без памяти; я вырываю твой труп,
памятный,
удостовериться в подлинности твоих девяти имён.
в этом мире наперечет нелжи, стократ больше обмана
и падали,
сами склоняем которые по сорок раз на дню
на уровне сердца, хайле, люблю
ли, ненавижу, статика смысла и право выбора
из ста жизнесмертей единственной – благо, и я пою
так
о самой последней.

[благоволительницы]

карликовые толстосумы Европы, верные завету Фрейда
штурмуют ковчег, укрытый царицей Савской
где-то в песках Эфиопии южнее Аксумы,
если верить пересказам Кебра Нагаст
для октябрят,
тысячекрат-
но размноженным на дармовой
бумаге, вперемешку с эфиром,
зефиром, мелками, мотыльками,
спаленными дотла солнцем твоим любви пью
Джа безмятежность,
сидя на нижних ветвях
вяза – долгой дорогой роста связан,
из неусыпного детства к потешному сраму пою,
дурак, зрелости песню злую
в день твоего покоя
и
поминовения ушедших от конвоя
бхикшу-беглецов высмотренных до беспамяත්ства,
каменеющих между плато путорана и магнитным полем
на куцей качели себяимения, цели,
не выбирающей средства.

[ребусы]

Аллах керим

(...и тогда пески и камни Данакиль

Становятся словами, наползающими друг на друга...

Поэма, записывающая себя сама от твоих запястий,

Где, глубоко под кожей, снуют проказливые эльфы

Кайфа, томные феи горячки. Слова,

Умещающиеся в тот смысл, который ты лично склеил

Из лепестков и глины, забившейся в трещины мира,

Никогда не принадлежавшего тебе целиком,

Но оставлявшего свои алые маркеры на полях твоих

Многочисленных имён и жизней

В мгновения опасной близости к смерти и

К женщине, вестнице бессилия, которой ты грезил,

Опаленный солнцем, выискивая тени.

В часы, когда «кровавые шприцы ночи»

Яды безмолвия вводили в вену,

Пустыня оставалась равнодушной...)

[карманная рага дождя]

есть определенная вольность в рассчитанном режиме
перемещения по карте мира,
лишенной меры, объятай войной, рвотными массами,
массовыми
актами толерантности и футболом, сводящими воедино
звенья цепи,
сплетенные из незацветших одуванчиков для грезящих
девальвацией
остолопов и девственников. конечно, ты также можешь
считать все это профанацией
бессознательного, но, сжеживая алкоголем куцую мысль
о всемирном потопе,
я все еще мокну под непрекращающимся дождем здесь,
на площади
свободы (освобожден условно), дешифруя тайный
язык воды
и болтая босыми ногами над отраженным в луже не то
Багдадом, не то
Сан-Паулу, как известно, страдающими сомнительной
склонностью к скоропостижной
и разномастным бандейрантством, которому все еще
нужные, если не рабы,
то верные послушатели, с их постоянством в ручном
труде и большой жратве.
подступающее время жатвы пока что робко

отстукивает с изнанки очередного большого сердца —
тук-тук так гулко, словно в полый ящик...
впрочем, если верить страницам не то библии, не то
Кебра-Нагаст,
у нас остаются все шансы успеть на последний
поезд_без_пассажи́ров, но,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.